ЛИТОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Годъ двадцать седьмой

ВЫХОДЯТЪ по ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

15-го Января 1889 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 рублей.
Отдѣльные №№ Литовскихъ Епарх. Вѣдом. за прошедшіе годы и за настоящій 1889 годъ по 10 к. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 3.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 ,,
за три раза 20 ,,

Содержаніе № 3.

Мѣстныя Распоряженія.

— 9 января, священникъ Виленскаго Маріинскаго монастыря *Петръ Орловъ* **перемѣщенъ**, согласно прошенію, на священническое мѣсто въ село Борки, Слонимскаго уѣзда; на его же мѣсто къ Маріинскому монастырю перемѣщается, согласно изъявленному желанію, священникъ Кривичской церкви, Вилейскаго уѣзда, *Василій Соколовъ*.

— 10 января утвержденъ въ **должности церковнаго старосты** къ Слонимской св.-Троицкой церкви избранный на три года уѣздный казначей надворный совѣтникъ *Алексѣй Ивановичъ Березинъ*.

Мѣстныя Извѣстія.

— **Некрологи.** 28 декабря, скончался псаломщикъ Малешской церкви, Бѣльскаго уѣзда, *Андрей Врублевскій*, 75 лѣтъ.

— 3 января, скончался въ Гродненской больницѣ псаломщикъ Чернавчицкой церкви, Брестскаго уѣзда, *Михаилъ Троицкій*.

— 6 января, скончался помощникъ Пружанскаго благочиннаго и наблюдатель церковно-приходскихъ школъ священникъ Хоревской церкви *Іуліанъ Бѣллевичъ*, на 36 году священства и 60-мъ году жизни.

— **Вакансіи: Священника:** въ м. *Дивинѣ* (2)—при Успенской церкви, въ м. *Сморгоняхъ* (2)—при Михаило-Архангельской церкви, въ с. *Хоревѣ* (2), въ с. *Зосимовичахъ* (7) и въ с. *Тиховоли* (8)—Пружанскаго уѣзда, въ с. *Андроновѣ* (5)—Кобринскаго уѣзда, въ м. *Кривичахъ* (2) и въ с. *Роговѣ* (6)—Вилейскаго уѣзда. **Псаломщика:** въ м. *Свислочи* (2)—Волковыскаго уѣзда, въ с. *Теребунѣ* (2) и *Чернавчицахъ* (2)—Брестскаго уѣзда, въ с. *Габахъ* (2)—Вилейскаго уѣзда, въ с. *Попинѣ* (6) Кобринскаго уѣзда, въ *Вильнѣ*—при Пречистенскомъ соборѣ (5), въ селѣ *Малешахъ* (2) и въ г. *Брянскѣ* (5)—Бѣльскаго уѣзда.

Неоффиціальный Отдѣлъ.

Кончина и погребеніе въ Бозѣ почившаго Преосвященнѣйшаго Епископа Александра.

16 числа декабря, ровно въ 4 часа по полудни, тихо и мирно почилъ о Господѣ незабвенный Костромской Владыка Преосвященный Александръ, уроженецъ Гродненской губерніи, въ мірѣ Андрей Кульчицкій. 14 числа въ 6 часовъ вечера онъ присутствовалъ въ собраніи членовъ Братства преподобнаго Сергія въ семинарскомъ залѣ. Повидимому Владыка былъ совершенно здоровъ: сидѣлъ весело и бодро, съ чувствомъ живѣйшей радости выслушалъ докладъ о. каѳедральнаго протоіерея относительно устройства въ память 17 октября церковно-приходской школы въ какомъ-либо бѣднѣйшемъ приходѣ Костромской епархіи, зараженномъ расколомъ, потребовалъ къ себѣ подписной листъ и подписалъ 50 рублей; когда началось пѣніе диаконовъ и псаломщиковъ, между прочимъ, заговорилъ о томъ, зачѣмъ въ народныхъ школахъ въ недавнее время употреблялись цифирныя ноты, и высказалъ, что это дѣлалось затѣмъ, чтобы отучить отъ ноты церковной. Когда кончилось пѣніе, Владыка обратился къ пѣвшимъ съ словомъ благодарности, совѣтовалъ устроить братскій хоръ и при этомъ пошутилъ,—чтобы этотъ хоръ свадебъ вмѣсто архіерейскихъ пѣвчихъ не пѣлъ. По окончаніи собранія Владыка зашелъ къ о. Ректору и пробылъ у него съ часъ, говорилъ, что хочетъ удалиться на покой и будетъ проситься въ Супрасльскій монастырь; если окажутся тамъ комнаты малыми, то говорилъ, что уничтожитъ всѣ перегородки, чтобы была одна большая комната. Когда о. Ректоръ предложилъ Владыкѣ кушать, то онъ отвѣтилъ: „не угощайте меня, отецъ Ректоръ;—одряхлѣлъ я; развѣ на годъ меня хватитъ, а болѣе—нѣтъ“. Кто могъ думать, что его не хватитъ не только на годъ, но и на недѣлю?! Между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ этого весьма можно было ожидать. До своего отъѣзда въ Петербургъ Владыка страдалъ сильною перемежающеюся лихорадкой.

Съ пріѣздомъ его въ Петербургъ болѣзнь эта, вѣроятно, вслѣдствіе перемѣны климата, прекратилась, но вообще Владыка въ Петербургѣ чувствовалъ себя, вѣроятно, не очень хорошо, ибо неоднократно обращался къ доктору, чего обыкновенно онъ очень не любилъ, и постоянно говорилъ, что медицинѣ не вѣритъ. По утрамъ Владыку безпокоилъ сильнѣйшій кашель. Вставши отъ сна часу въ пятомъ утра, Владыка началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, безпрестанно кашляя съ страшною силою и отплевывая мокроту, которой отдѣлялось ужасно много; это продолжалось болѣе часу. Глаза Владыки наливались кровью, лицо дѣлалось багровымъ. Страшно было слышать этотъ кашель, обращавшійся подъ конецъ въ стонъ. „Владыка, что вы не обратите на это вниманіе“? говорили ему близкіе.—„А ничего“ отвѣчалъ Владыка; „пустяки, давно вѣдь уже это“. По возвращеніи изъ Петербурга Владыка уже рѣдко былъ видѣнъ веселымъ: онъ скучалъ всѣмъ и всѣми; назначилъ пріемные часы, тяготился, если его кто посѣщалъ вечеромъ; служилъ по-прежнему часто, но не выѣзжалъ почти никуда, жаловался на боль въ горлѣ, ходилъ постоянно подвязаннымъ и мазалъ шею іодомъ. Въ прошедшемъ году, около этого времени, однажды, совершая раннюю литургію въ домовой церкви, Владыка почувствовалъ кровотеченіе носомъ; кровотеченіе было такъ сильно, что пришлось разоблачиться; кровь лилась струею. Пригласили врача; оказалось, что это не обычное, часто встрѣчающееся у людей, кровотеченіе носомъ,—что кровь течетъ изъ лопнувшаго кровеноснаго сосуда. Дня черезъ три кровотеченіе вовсе прекратилось, Владыка говорилъ, что чувствуетъ себя гораздо легче. Быть можетъ и нынѣ нужно было убавленіе крови; ибо, кажется, онъ былъ очень полнокровенъ, между тѣмъ какъ кровообращеніе, вѣроятно, совершалось неправильно, что и самъ Владыка, вѣроятно, замѣчалъ, ибо въ прежнее время во время пѣнія „Пріидите поклонимся“, стоя съ дикиріемъ и трикиріемъ, Владыка обыкновенно поклонялся очень низко, между тѣмъ какъ въ послѣднее время онъ дѣлалъ поклоны незначительные, а при земныхъ поклонахъ у него замѣчалась сильная краснота лица. Врачи нашли, что онъ страдалъ склерозомъ артерій и порокомъ сердца не въ сильной степени, при чемъ нервная система была далеко не въ порядкѣ. Вскорѣ по возвращеніи изъ Петербурга Владыка почувствовалъ возвращеніе лихорадки, которая безпокоила его черезъ день и особенно по вечерамъ. Кушалъ Владыка очень мало и все жаловался, что плохо готовятъ, а плохъ былъ, вѣроятно, его желудокъ. Ко всему этому прибавилась простуда, которая произошла отъ неосторожныхъ выходовъ въ садъ, однажды даже безъ галошъ, отъ неоднократной прогулки въ открытыхъ саняхъ въ страшные морозы и отъ поѣздки въ собраніе Братства. Возвратившись изъ семинаріи, Владыка былъ веселъ, не жаловался ни на какую боль и, по обычаю, затворился въ своей комнатѣ. Около часу или двухъ келейникъ услышалъ, что Владыка какъ будто стонетъ,—взошелъ къ нему въ кабинетъ и засталъ Владыку сидящимъ у письменнаго стола съ лампой. Видя, что Владыка ничего не требуетъ, келейникъ удалился. Въ пятомъ часу Владыка позвонилъ и потребовалъ къ себѣ келейнаго іеромонаха. Когда тотъ вошелъ, Владыка сказалъ: „что, братъ, худо! нездоровится“. Пригласили врача. Врачъ замѣтилъ у Владыки сильное лихорадочное состояніе, начавшееся въ 2 часа ночи потрясающимъ ознобомъ, обратившимся въ жаръ до 39,6°. Въ теченіе всего этого дня Владыка ничего не кушалъ, но все еще былъ на ногахъ, хотя къ литургіи пойти не могъ; распечаталъ принесенную почту, но къ вечеру вовсе слегъ,—обнаружилось крупозное воспаленіе праваго легкаго (неполное). Утромъ 16 числа былъ созванъ консиліумъ изъ четырехъ врачей. Послѣ консиліума Владыка исповѣдался и причастился; духомъ былъ спокоенъ; о. эконому далъ распоряженіе—какую митру и какое облаченіе употребить для погребенія. При входѣ о. намѣстника весело спросилъ его: „какъ вы меня будете погребать—священническимъ, или монашескимъ погребеніемъ? Похороните меня въ Лазаревской церкви въ Ипатіевскомъ монастырѣ“.—„Владыка, вѣдь тамъ церковь еще не освящена!“—отвѣтилъ о. намѣстникъ. „Все равно“ сказалъ Владыка, „освятите послѣ меня“. Какъ только узнали объ опасномъ состояніи здоровья Владыки, тотчасъ сдѣлано было распоряженіе послѣ вечерни о здравіи болящаго святителя отслужить молебны во всѣхъ церквахъ города. Къ двумъ часамъ въ комнату Владыки собрались шесть врачей. Положеніе больнаго было признано опаснымъ. Воспаленіе само по себѣ не было настолько сильно, чтобы неминуемо было гибельно для больнаго, но при старческомъ возрастѣ больнаго много лѣтъ ранѣе существовавшій у него склерозъ артерій и порокъ сердца производили угнетающее вліяніе на дѣятельность сердца. Этимъ и объясняется упадокъ пульса и слабое сокращеніе сердца, которые не уступали ни какимъ возбуждающимъ средствамъ. По окончаніи консиліума при Владыкѣ остался докторъ Д. П. Борейша съ двумя фельдшерами. Въ 8 часовъ назначенъ былъ опять съѣздъ докторовъ, но въ 4 часа Владыки уже не стало.

Тотчасъ прибылъ ключарь собора, секретарь и члены консисторіи. Тѣло было опрятано, облечено въ подрясникъ, перенесено въ Крестовую церковь, гдѣ и облачено по чину архіерейскому, а затѣмъ преосвященнымъ викаріемъ была отслужена первая панихида. Удары въ колоколъ со всѣхъ церквей возвѣстили городу, что Владыка скончался. Многіе не знали и о болѣзни Владыки, такъ что вѣсть о кончинѣ была совершенною неожиданностью для многихъ. Немедленно преосвященнымъ викаріемъ было сообщено о смерти Владыки высокопреосвященнѣйшему Исидору, митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому, а секретаремъ консисторіи—господину Оберъ-Прокурору Св. Синода. Въ субботу было получено извѣстіе, что погребеніе поручено Святѣйшимъ Синодомъ Высокопреосвященному Іоанаѳану, архіепископу Ярославскому и Ростовскому. Въ 11 часовъ, въ субботу, панихида была совершена преосвященнымъ викаріемъ, въ сослуженіи старшаго духовенства, въ присутствіи многихъ почетныхъ лицъ города, всѣхъ наставниковъ семинаріи и множества народа, день и ночь переполнявшаго церковь, въ которой чтеніе евангелія безпрестанно смѣнялось пѣніемъ панихидъ. Въ воскресенье въ Крестовой церкви преосвященный викарій совершилъ литургію, послѣ которой была совершена соборная панихида. Затѣмъ была совершена панихида о. каѳедральнымъ протоіереемъ въ присутствіи Думы въ полномъ ея составѣ.

Тѣло почившаго Архипастыря было положено въ гробъ и въ 2 часа начался печальный перезвонъ, и почившій святитель послѣ краткой литіи былъ перенесенъ всѣмъ собравшимся городскимъ духовенствомъ въ Рождественскій соборъ Ипатіевскаго монастыря. При встрѣчѣ тѣла каѳедральнымъ о. протоіереемъ была сказана рѣчь, по окончаніи которой преосвященнымъ викаріемъ была совершена панихида. Вечеромъ монастырскою братіею при гробѣ была

совершена заупокойная всенощная. Въ понедѣльникъ о. ректоромъ семинаріи при гробѣ была совершена заупокойная литургія при пѣніи полнаго хора архіерейскихъ пѣвчихъ. По окончаніи литургіи, въ монастырь собралось все городское духовенство, и тѣло почившаго Архипастыря торжественнымъ крестнымъ ходомъ, при печальномъ перезвонѣ со всѣхъ церквей города, было перенесено въ каѳедральный городской соборъ, предшествуемое хоругвями, иконами, учителями и учениками семинаріи и духовнаго училища, чиновниками консисторіи и духовенствомъ всего города, которое сопровождалъ о. ректоръ семинаріи. Народу было такое множество, что процессія съ трудомъ двигалась по улицѣ. Тѣло было несено на высокихъ носилкахъ, такъ что возвышалось надъ головами болѣе, нежели на аршинъ. При внесеніи тѣла въ соборъ оно было встрѣчено соборнымъ духовенствомъ съ крестомъ и святой водою при умилительномъ пѣніи архіерейскими пѣвчими задостойника Великой Субботы. По поставленіи тѣла на уготованное мѣсто ключаремъ собора произнесена прочувственная рѣчь.

По окончаніи рѣчи о. ректоромъ была совершена панихида, за которой соборъ былъ переполненъ народомъ. Здѣсь присутствовали: предводитель дворянства, городской голова, начальникъ жандармскаго управленія и другія почетныя лица города. Послѣ вечерни снова была совершена соборная панихида о. каѳедральнымъ протоіереемъ. Весь день и всю ночь народъ не отходилъ отъ гроба, а городскіе священники неупустительно читали евангеліе. Во вторникъ поздняя литургія была совершена о. ректоромъ семинаріи въ сослуженіи каѳедральнаго протоіерея и семинарскихъ священниковъ при пѣніи полнаго хора семинарскихъ пѣвчихъ. Вмѣсто причастнаго протоіереемъ Ильинской церкви о. Гавріиломъ Перпаткинымъ было сказано слѣдующее слово:

„Архипастырь церкви Костромскія нынѣ тѣломъ своимъ предлежитъ взору нашему. Тѣло сіе мертво; а духъ почившаго, отрѣшившись отъ него, воспарилъ въ иную область бытія, свойственную духамъ, отшедшимъ изъ сего міра. Прекратилась дѣятельность сего Архипастыря здѣсь навсегда“.

„Печальное событіе для паствы лишеніе Архипастыря! плачевное зрѣлище видѣть своего архипастыря во гробѣ“.

„Это лишеніе нежелательное и, по лѣтамъ почившаго, еще преждевременное, сіе зрѣлище столь неожиданное, и, по внезапности своей поразительное, могутъ порождать въ душѣ слышащихъ о томъ и видящихъ сіе недоумѣнный помыслъ: онъ-ли, сей Архипастырь не довлѣлъ къ дальнѣйшему служенію паствѣ своей, или паства заслужила сіе лишеніе, оказавшись, послѣ недолгаго, сравнительно, служенія его, недостойною его насенія“?

„Но сужденіе о томъ, довлѣлъ или не довлѣлъ сей Архипастырь для своей паствы, по меньшей мѣрѣ, не умѣстно, особенно при гробѣ его. Не только слово съ такимъ сужденіемъ о почившемъ, а тѣмъ болѣе съ осужденіемъ дѣланія его, но и помыслъ судительный о лицѣ почившаго, если бы и обрѣлось въ немъ что либо укоризненное на нашъ взглядъ, выразили бы посягательство на превышеніе власти, къ оскорбленію власти самаго Бога, Единаго Судіи живыхъ и мертвыхъ; ибо онъ, восхищенный по волѣ Божіей силою смерти изъ среды паствы, уже предсталъ суду Божію за себя и за паству свою. Всякое сужденіе о семъ почившемъ къ уничиженію его тѣмъ болѣе было бы съ нашей стороны преступно, что оно направлялось бы не противъ обыкновеннаго ближняго нашего, а противъ Архипастыря и Отца. Помышлять же о томъ, не за наше ли недостоинство Верховный Пастыреначальникъ отнялъ у насъ Архипастыря сего, вотъ-это, по истинѣ благочестно и благопотребно при гробѣ семъ, скрывающемъ бренные, но священные для насъ, останки архіерея Божія“.

„Да, всѣ, всякаго званія и состоянія лица, имѣвшія случай или надобность видѣть сего Архипастыря, принять ли только его благословеніе, слышать ли его бесѣду, а тѣмъ болѣе обращаться къ нему съ своими просьбами, и особенно входить съ нимъ въ близкое и частое сношеніе, не могли конечно не замѣтить то его благосклонности и привѣтливости, то доступности и общительности, то откровенности и довѣрчивости, то миролюбія и снисходительности, короче сказать—того, въ чемъ выражается благорасположеніе и благожелательность души человѣка...“

„Такъ паства имѣла въ лицѣ сего почившаго благостнаго Архипастыря. И, вотъ, добрыя чада его спѣшатъ поклониться предъ останками его, чтобы получить посмертное благословеніе отъ него и дать ему послѣднее цѣлованіе, прощальное“.

„Но умѣли ли всѣ мы, при жизни сего Архипастыря, цѣнить доброту его душевную, не забывая достоинства его сана, пользоваться сею добротою во благо свое, безъ ущерба при томъ для блага другихъ? Не заботились ли, кто могъ, обращать благія свойства Архипастыря лишь къ личной своей выгодѣ, не думая о благѣ общемъ, о долгѣ справедливости, о требованіяхъ честности? Не находилось ли между нами и такихъ, которые, подъ видомъ ревнованія о законности и правдѣ, позволяли себѣ подозрѣвать въ почившемъ недостатокъ строгой справедливости и порицать его за милостивую снисходительность? А что еще хуже, не было ли такихъ, которые, завѣдомо пользовались его довѣрчивостью, къ обидѣ другихъ, и къ нареканію на сего благостнаго Архипастыря въ потворствѣ неправдѣ?“

„Высшее достоинство сего почившаго—званіе святителя церкви Христовой. По сему священному сану, онъ имѣлъ призваніе и долгъ, при содѣйствіи сугубой благодати священства, данной ему отъ Духа Святаго, освящать ввѣренную ему паству, направлять духовно-нравственную жизнь пасомыхъ къ святости, молитвенно предстательствовать за нихъ предъ Богомъ и вести ихъ къ вѣчному спасенію. Епископы въ семъ званіи своемъ суть видимые ангелы церквей, по подобію невидимымъ служебнымъ духамъ, въ служеніе посылаемія Главою церкви, Господомъ Іисусомъ, за хотящихъ наслѣдовать спасеніе. Какой многообъемлющій и многотрудный подвигъ служенія святительскаго въ мірѣ семъ, во злѣ лежащемъ! Какія, при всемъ обиліи и крѣпости благодатныхъ силъ, даруемыхъ епископу таинственнымъ рукоположеніемъ, потребны и съ его стороны усилія, неусыпная бдительность и неустанная дѣятельность въ области ввѣреннаго ему служенія, Богомъ установленнаго къ созиданію спасенія людей: учить, священнодѣйствовать и управлять паствою въ духѣ и по заповѣдямъ евангелія Христова, на основаніи Божественныхъ писаній и согласно правиламъ церкви! О, сколь по сему велика и отвѣтственность предъ Богомъ лежитъ на архипастырѣ церкви Христовой! А мы, обращая вниманіе на пріятныя намъ душевныя качества почившаго Архипастыря, не забывали ли этого высшаго его достоинства святительскаго? Не представляли ли къ лицу своего епископа лишь всякаго рода требованія и взысканія, по измышленію своему, мало думая или вовсе не думая объ исполненіи своей священной (бязанности въ отношеніи къ нему благоговѣйнаго уваженія къ

святому званію его, и кроткаго послушанія его слову или распоряженію, не заботясь охранять его отъ тягостнаго безпокойства, какое могли причинять ему наши не нужныя дѣла, даже не боясь обременять его дѣлами несправедливыми, къ огорченію его и отвлеченію отъ дѣла святительскаго его служенія? Помышляли ли мы всѣ и заботились ли о тщательномъ, искреннемъ исполненіи долга—вспомоществовать своему Архипастырю въ подвигѣ его высокаго служенія молитвою, къ которой призывала насъ церковь, о свышнемъ подкрѣпленіи его силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, о сохраненіи его Господомъ Богомъ въ мирѣ цѣла, честна, здрава, долгоденствующа, и правоправяща слово Божественной истины"?

„Чада церкви—чада сего Архипастыря и Отца, нынѣ въ Бозѣ почившаго! Покаемся душевно въ долгахъ нашихъ предъ нимъ,—въ причиненныхъ ему огорченіяхъ и обидахъ, вольныхъ и невольныхъ,—какія кто признаетъ за собою, по совѣсти; усугубимъ молитвы и моленія, при семъ гробѣ его, къ Господу Богу, дабы простилъ ему согрѣшенія, какимъ, безъ сомнѣнія, и онъ повиненъ былъ, по человѣческой немощи, а наипаче—не вмѣнилъ ему нашихъ грѣховъ на судѣ Своемъ, которому онъ теперь предстоитъ духомъ, и даровалъ ему дерзновеніе помолиться о своей осиротѣлой паствѣ верховному Пастыреначальнику, да изведетъ скоро на паству сію новаго дѣлателя по сердцу Своему и ей благопотребнаго".

По окончаніи литургіи о. ректоромъ была совершена соборне панихида. За литургіею и панихидою присутствовали всѣ ученики и ученицы церковно-приходскихъ школъ г. Костромы съ учителями. Въ 12 часовъ съ поѣздомъ желѣзной дороги въ Кострому изволилъ прибыть Высокопреосвященный Іоаннаѳанъ. Встрѣченный на платформѣ о. Ректоромъ и ключаремъ собора, Владыка прослѣдовалъ въ каѳедральный соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ преосвященнымъ викаріемъ и соборнымъ духовенствомъ. Тотчасъ Владыкою была совершена панихида, а послѣ нея—молебенъ предъ иконою Ѳеодоровской Божіей Матери. По окончаніи молебна Владыка, преподавъ благословеніе всѣмъ во множествѣ собравшимся, отбылъ въ семинарію, гдѣ для него было приготовлено помѣщеніе. Въ 6 часовъ вечера начался въ соборѣ благовѣстъ къ заупокойной всенощной, которую совершалъ о. ректоръ въ сослуженіи соборнаго духовенства и другихъ священниковъ при пѣніи полнаго хора семинарскихъ пѣвчихъ. Во время всенощной былъ прочитанъ весь канонъ священническаго погребенія. Соборъ былъ переполненъ молящимися. За всенощною были всѣ воспитанники семинаріи и духовнаго училища, которые по окончаніи всенощной подходили проститься съ почившимъ Архипастыремъ. Для Высокопреосвященнаго Іоанаѳана всенощная была отправлена въ семинарской церкви.

Въ среду 21 декабря, въ день памяти святителя Петра, митрополита Московскаго, совершилось отпѣваніе въ Бозѣ почившаго преосвященнаго епископа Александра. Въ 9 часовъ начался благовѣстъ къ литургіи. Въ половинѣ 10-го въ соборъ прибылъ Высокопреосвященный Іоанаѳанъ. Литургія Его Высокопреосвященствомъ была совершена въ сослуженіи о. ректора семинаріи, о. архимандрита Іустина, каѳедральнаго о. протоіерея, о. ключаря собора, о. протоіерея Гавріила Пернаткина, о. протоіерея благочиннаго Димитрія Цѣликова, члена консисторіи свящ. Александра Красовскаго, келейнаго іеромонаха почившаго Владыки, іеромонаха духовника и іеромонаха Іосифа, прибывшаго съ Высокопреосвященнымъ Ярославскимъ, и при участіи Ярославскаго протодіакона. По пропѣтіи причастнаго о. Ректоромъ была произнесена слѣдующая прощальная рѣчь:

„Скончался нашъ Владыка, оставилъ насъ нашъ любящій Архипастырь, умолкъ нашъ ласковый Отецъ. Трудно привыкнуть къ мысли, что это—не сонъ, а дѣйствительность,—вѣдь ровно за двое сутокъ до своей кончины онъ былъ съ нами, говорилъ, былъ веселъ, и никто изъ насъ не могъ и помыслить, что приближается часъ нашей съ нимъ разлуки, а между тѣмъ еще нѣсколько часовъ, и отъ насъ должны на вѣки сокрыться и эти тлѣнные его останки. Увы! Владыки нашего не стало! Какъ пусто кругомъ и какъ тяжело, какъ невыносимо тяжело разстаться съ нимъ —съ Ангеломъ церкви Костромскія не только по сану его, но и по духу всей его между нами дѣятельности! Возлюбленные о Господѣ собратіе церкви Костромскія, посвятимте нѣсколько прощальныхъ минутъ съ нашимъ Архипастыремъ на воспоминаніе его добрыхъ качествъ, которыя для всѣхъ изъ насъ были такъ очевидны".

„Для христіанина образъ добродѣтели есть Христосъ, Который для того и сходилъ на землю, чтобы спасти насъ и дать намъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его. Онъ далъ намъ ученіе, и это ученіе, какъ глаголъ пребывающій во вѣки, есть мѣрило нашей жизни—добродѣтельна она, или нѣтъ. Насколько же нашъ Владыка соотвѣтствовалъ сему образу? Судить объ этомъ—не наше дѣло, этотъ судъ принадлежитъ Богу—сердцевѣдцу. Но позволь намъ св. Владыка, указать въ назиданіе себѣ хотя нѣкоторыя добрыя качества души твоей въ соотвѣтствіи съ ученіемъ Христовымъ, которое изложено въ 9 заповѣдяхъ евангельскихъ блаженствъ, которыя невольно должны были приходить на умъ всякому, кто имѣлъ общеніе съ Тобой и особенно должны придти нынѣ, когда все прошедшее наше мирное жительство подъ снисходительнымъ Твоимъ правленіемъ съ особенною силою возникаетъ въ нашей памяти".

„Не обладалъ-ли нашъ Владыка нищетою духовною паче всѣхъ насъ? Чувство гордости, превозношенія своими достоинствами, своею властію было совершенно чуждо его духу. Все окружавшее его величіе вмѣнялъ онъ, яко уметы, откуда и проистекало его совершенно спокойное отношеніе къ разлукѣ съ жизнію. Смерти онъ совершенно не страшился. Это не было отсутствіемъ страха предъ судомъ Божіимъ, нѣтъ,—это было равнодушіе ко всему, что окружало его на землѣ, что съ особенною силою выражалось въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, когда онъ ежедневно говорилъ то объ удаленіи на покой, то о своей кончинѣ, которую онъ отдалялъ отъ себя не болѣе, какъ на годъ. Въ послѣднее мое съ нимъ свиданіе онъ сказалъ мнѣ: „одряхлѣлъ я о. ректоръ, развѣ на годъ станетъ меня, а болѣе нѣтъ". А мы? какъ плохо вѣрили мы этому, какъ неожиданною показалась намъ его кончина! Между тѣмъ какъ онъ каждый день ожидалъ ее. Послѣднее письмо своему любимому внуку онъ послалъ на листкѣ, на которомъ изображены крестъ, вѣнокъ и могила; предъ отъѣздомъ въ Св. Синодъ самъ указалъ мѣсто для могилы и для надгробной надписи, а возвратившись изъ Св. Синода прежде всего освѣдомился о томъ, готова-ли могила: „Да, братіе, видно созрѣла его душа для жизни вѣчной".

„Кто былъ между нами столько кротокъ, какъ былъ кротокъ нашъ почившій Владыка? Кто могъ вывести его изъ терпѣнія, кто видѣлъ его гнѣвъ? Въ теченіе слишкомъ трехъ лѣтъ видясь съ нимъ по нѣскольку разъ въ недѣлю,

я только два раза видѣлъ его гнѣвнымъ,—но что это былъ за гнѣвъ? Однажды этотъ гнѣвъ былъ обращенъ на меня. Я выслушалъ выговоръ, поклонился и былъ отпущенъ. Проходитъ недѣля, являюсь въ прощенное воскресенье просить прощенія, кланяюсь въ ноги, и что-же? Мой Владыка опускается на колѣни и говоритъ: „простите... было, было... есть за что просить прощенія“. Бывали случаи, когда къ нему приходили съ такими просьбами, за которыя другой, даже бы и добрый человѣкъ, выгналъ бы вонъ. Но что же нашъ Владыка? Онъ все выслушивалъ мирно, отвѣчалъ спокойно и удалялъ безъ тѣни неудовольствія, никогда послѣ при свиданіи не напоминая просителю о его глупой просьбѣ. Отцы и сослужители, вспомните его церковное служеніе между нами: были ли мы всегда исправными при немъ, и слышалъ-ли кто нибудь изъ насъ, особенно во время службы, какое нибудь замѣчаніе? Никогда слово гнѣва не сходило съ устъ его во время богослуженія“.

„Кто былъ къ намъ столько милостивъ, какъ былъ милостивъ нашъ милостивый Отецъ и Архипастырь? Кто изъ насъ ни просилъ его о томъ, или о другомъ, и кто уходилъ отъ него тощъ? Все, что было въ его власти, все было имъ исполнено для каждаго изъ насъ. Плачьте отцы, плачьте матери, плачьте бѣдные сироты! Былъ-ли случай, чтобы онъ оставилъ безъ вниманія оставшихся священнослужительскихъ сиротъ? Нѣтъ, тутъ ничье ходатайство ни за кого не имѣло мѣста—„должно помочь сиротамъ“—былъ обычный его отвѣтъ въ такихъ случаяхъ. Сколько онъ былъ милостивъ къ своимъ родственникамъ, можете заключить изъ того, что послѣ 40-лѣтней службы у него не осталось почти ничего. Онъ получалъ пенсію за Китайскую миссію и по поводу ея иногда шутилъ, что не знаетъ, какими деньгами она выдается, ибо никогда ее лично не получалъ. Большею частію изъ того немногаго, что онъ получалъ, все онъ отдавалъ своимъ присныъ, а остальное раздавалъ бѣднымъ, которые осаждали его, какъ архіерея, ежедневно, особенно же предъ праздниками Рождества и Пасхи. Паче же всѣхъ испыталъ я его святительскую милость на себѣ отъ самой первой минуты моего свиданія съ нимъ до послѣдняго его издыханія. Чрезъ два мѣсяца послѣ моего пріѣзда онъ сказалъ мнѣ: „будьте увѣрены, что мною ничего не будетъ отъ васъ скрыто, что касается васъ и вашей службы, прошу и со мною быть откровеннымъ во всемъ“. И такъ текли наши мирные дни, озаряемые милостію моего незабвеннаго Отца и Благодѣтеля, который заботился обо мнѣ, какъ о родномъ сынѣ, научая, обличая, утѣшая, лаская. Прощай, прощай мой милостивый Архипастырь, Отецъ и Благодѣтель!“.

„Кто былъ между нами настолько миротворецъ, какъ нашъ почившій Отецъ“. Каждому изъ насъ, его подчиненныхъ вѣроятно приходилось являться къ нему съ дѣлами о тѣхъ или другихъ спорахъ и ссорахъ, безъ которыхъ люди не могутъ обходиться, и что же? Рѣдко, рѣдко дѣло шло далеко—миротворецъ все умиротворялъ: поговоритъ ласково, попроситъ помириться, не дѣйствуетъ—возьметъ дѣло и держитъ его, а тутъ глядишь дѣло и устроилось само собою; а потомъ смѣется: „надо время, полежитъ и улежится дѣло“. И уже ничѣмъ такъ нельзя было его обрадовать, какъ тѣмъ, если дѣло немирное оканчивалось спокойно и тихо. „Бене“—съ веселою улыбкою скажетъ бывало обрадованный старецъ; если же дѣло не уладилось, скажетъ: „худо“, и положитъ дѣло въ столъ. Никогда жесткая резолюція не сходила съ его пера, ибо онъ никогда своею резолюціею не былъ въ силахъ произвести или увеличить ссору. Бывали случаи, когда ему приходилось разсматривать дѣла, въ которыхъ затрогивались достоинства его власти, но и тутъ, скорбя душею, онъ не писалъ жесткаго слова укора—„не согласенъ“—и дѣлу конецъ. Миръ приносилъ онъ въ наши домы, съ миромъ исходилъ отъ насъ; миръ призывалъ онъ на семейства ваши, миръ и благословеніе Божіе призывалъ онъ на все жительство ваше, когда обходилъ градъ вашъ въ крестныхъ ходахъ, не взирая ни на пыль, ни на грязь, ни на проливной дождь“.

„Возлюбленные о Христѣ братіе! не достанетъ мнѣ повѣствующему времени разсказывать вамъ о дѣлахъ милосердія нашего безцѣннаго Отца.. довольно нашъ Отецъ и Архипастырь теперь уже не требуетъ нашихъ похвалъ. Что наши хвалы, что наше пѣніе? Паства Костромская, умолкни сердцемъ и умомъ: се Архипастырь твой восходитъ на судъ вѣчнаго Судіи. „Онъ совершилъ свою проскомидію и принесъ себя въ жертву Богу, на вѣки“ и мы, обстоящіе гробъ его, отложивъ попеченіе о всемъ земномъ и житейскомъ, подъявъ на рамена останки нашего Архипастыря перенесемъ его къ вѣчному покою, съ пламенною молитвою къ Господу—Сердцевѣдцу, да упокоитъ Онъ его во царствіи своемъ. Аминь“.

Преосвященный Викарій литургію совершилъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ, по окончаніи которой и изволилъ прибыть въ соборъ для участія въ отпѣваніи, которое было совершено Высокопреосвященнымъ Іоанаѳаномъ, въ сослуженіи около семидесяти священниковъ. Предъ отпѣваніемъ Высокопреосвященный Іоанаѳанъ произнесъ слѣдующую прочувствованную рѣчь:

„Какое надгробное слово скажу тебѣ, возлюбленнѣйшій о Господѣ братъ мой и Архипастырь Костромскія церкви, послѣ слова, сказаннаго о тебѣ однимъ изъ ревностнѣйшихъ твоихъ сотрудниковъ“?

„И для кого буду говорить его? Для тебя? Но ты взятъ отъ насъ ко Господу. Душа твоя теперь въ новомъ мірѣ, среди новыхъ спутниковъ и собесѣдниковъ, и новыхъ невѣдомыхъ для насъ занятій и дѣяній. Для окружающихъ гробъ твой священнослужителей и всего освященнаго клира? Но я знаю, что въ настоящія минуты помышленія ихъ заняты однимъ Тобою, и никакое слово человѣческое не облегчитъ и не успокоитъ скорбной ихъ души. Для всѣхъ предстоящихъ и молящихся о тебѣ во св. храмѣ семъ? Но кому изъ нихъ не вѣдомы твои архипастырскіе труды и подвиги въ благо любимой Тобою паствы и взаимно Тебя любящей?“

„Для кого же и какое скажу теперь надгробное слово? Скажу развѣ только слово апостольское о всѣхъ умершихъ о Господѣ: *не хощу Васъ братіе не вѣдѣти о умершихъ, да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія. Аще бо вѣруемъ, яко Іисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершыя въ Іисусѣ приведетъ съ Нимъ* (Сол. 4, 13, 14) и слово Самаго Господа о всѣхъ вѣрующихъ: *Аминь, аминь, глаголю Вамъ, яко слушаяй словесе Моего и вѣруяй пославшему Мя имать животъ вѣчный, и на судъ не пріидетъ; но пріидетъ отъ смерти въ животъ.* А твоя вѣра, почившій о Господѣ Архипастырь! была крѣпка и упованіе непостыдно. Да сподобитъ же Господь Тебя живота вѣчнаго. Да вознесется душа Твоя на любви къ Тебѣ твоей паствы и на Твоей къ ней любви, какъ на двухъ крылушкахъ въ царствіе небесное. Аминь“.

Отпѣваніе было совершено торжественно при пѣніи двухъ хоровъ пѣвчихъ: архіерейскаго и семинарскаго, которые совмѣстно пѣли всю литургію. Изъ чина священническаго погребенія, кромѣ тропарей канона, которые были прочитаны наканунѣ за всенощной, не было пропущено ни одного слова.

Тѣло почившаго Владыки не издавало ни малѣйшаго запаха; Святитель лежалъ во гробѣ, какъ-бы спящій тихимъ безмятежнымъ сномъ.

За литургіей и отпѣваніемъ присутствовали всѣ военные и гражданскіе чины въ полной формѣ. Соборъ былъ переполненъ народомъ. Въ 3 часа пополудни тѣло было вынесено изъ собора и обнесено вокругъ onaro, и затѣмъ шествіе направилось въ Ипатьевскій монастырь, гдѣ было встрѣчено о. намѣстникомъ съ братіею монастыря. По окончаніи литіи, при ясной погодѣ, уже при закатѣ солнца, тѣло почившаго святителя было внесено въ ограду монастырскую при пѣніи церковной пѣсни „Свѣте тихій“ и предано землѣ Высокопреосвященнымъ Іоанаѳаномъ въ церкви праведнаго Лазаря. Могила была приготовлена еще задолго до смерти Владыки на лѣвой рукѣ отъ царскихъ вратъ противъ иконы Божіей Матери. Владыка многократно ходилъ любоваться на мѣсто своего упокоенія и показывалъ свою могилу другимъ. „Какъ здѣсь свѣтло и хорошо!“—говорилъ онъ, „а въ усыпальницѣ каѳедральнаго собора очень мрачно“. Въ прошедшемъ году, когда праздновался сорокалѣтній юбилей преосвященнаго, дума поднесла ему 1000 рублей на отдѣлку Лазаревской церкви. И какъ радъ былъ Владыка, что нашлась возможность возстановить упраздненный храмъ тамъ, гдѣ погребены преосвященные Костромскіе: Виталій и Дамаскинъ и гдѣ желалъ упокоиться самъ Владыка! Подносившіе 1000 р. были въ смущеніи: „что мы дѣлаемъ, говорили нѣкоторые изъ нихъ,—подносимъ подарокъ на устройство могилы?“ Но Владыка никакого другаго подарка не желалъ. Вообще Владыка очень часто говорилъ о смерти. Такъ, 21 октября, проѣзжая черезъ Москву, Владыка заѣхалъ къ одному своему близкому знакомому костромичу Н. Медвѣдеву и, прощаясь съ нимъ, сказалъ: „смотри-же, пріѣзжай ко мнѣ на похороны“ *).

Такъ совершилась кончина и погребеніе незабвеннаго епископа Костромскаго преосвященнаго Александра, который, отъ доли скромнаго священника взойдя на высоту святительскаго служенія, объѣхавъ чуть не весь свѣтъ—отъ Вильны до Петербурга, отъ Петербурга до Китая, отъ Китая до Москвы, отъ Москвы до Витебска, отъ Витебска до Рима, отъ Рима до Туркестана, отъ Туркестана до Костромы, повсюду оставилъ по себѣ добрую память. Вездѣ есть люди, имъ облагодѣтельствованные, вездѣ, гдѣ только что имъ было сдѣлано, сдѣлано мирно, безъ насилія. Едва ли гдѣ нибудь найдется человѣкъ, которому Владыка сдѣлалъ бы зло. Всѣ, знавшіе его, съ чувствомъ искренняго сожалѣнія услышатъ объ его кончинѣ и усердно помолятся Богу объ упокоеніи души его. Въ Костромѣ и знатные и простые люди, и русскіе и иностранцы, и православные и иновѣрные, всѣ глубоко скорбятъ о неожиданной утратѣ Костромскаго епископа, добраго, справедливаго, искренняго, задушевнаго, простаго человѣка. Се былъ воистину Израильтянинъ, въ немже льсти нѣтъ.

22 числа Высокопреосвященный Іоанаѳанъ изволилъ отбыть въ г. Ярославль. (Костр. Еп. Вѣд.)

*) Что у Владыки было предчувствіе близкой смерти, въ доказательство этого приводимъ здѣсь письмо, недавно полученное нами.

„...Нижеподписавшійся желаю передать слова благостнаго Архипастыря касающіяся его смерти и сказанныя имъ за недѣлю до смерти. 8 декабря текущаго 1888 года Владыка принявъ отъ меня бумаги, внимательно распросивъ по содержанію ихъ и сдѣлавъ на нихъ соотвѣтствующія отмѣтки, спросилъ: „какая въ нашей мѣстности промышленность? и узнавъ, что ткацкая, высказалъ: „не могутъ ли мнѣ выткать одежду въ родѣ подрясника, которая бы состояла изъ льна и шерсти? Ленъ, пожалуй, можетъ быть замѣненъ бумагою, но шерсть непремѣнно должна быть, чтобы одежда могла называться власяницею. Такая одежда нужна мнѣ на смерть. Я не пожалѣлъ бы за нее денегъ“. Выразивъ полную готовность содѣйствовать къ осуществленію желанія Архипастыря, я тѣмъ не менѣе высказалъ сомнѣніе въ возможности изготовленія такой одежды, такъ какъ на мѣстныхъ фабрикахъ нѣтъ такихъ приспособленій, что дѣйствительно и подтвердилось. Означенныя строки, какъ свидѣтельствующія о томъ, что мысль о смерти была близка приснопамятному Архипастырю, и въ здоровомъ его состояніи, просилъ бы почтенную редакцію помѣстить на страницахъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. (*И. д. благоч. свящ. Н. Бѣляевъ*).

Противодѣйствіе Базиліанскаго ордена стремленію бѣлаго духовенства къ реформамъ Русской греко-уніятской церкви. *)

Во второй половинѣ апрѣля 1826 года Брестскій каноникъ Бобровскій возвратился въ Вильну и въ качествѣ ординарнаго профессора св. писанія открылъ свой курсъ по *новому плану*, присоединивъ къ своимъ занятіямъ, согласно предложенію министра Шишкова, *славяновѣдѣніе*. Бобровскій съ дѣтскихъ лѣтъ питалъ расположеніе къ Антонію Сосновскому и всегда цѣнилъ его самоотверженіе на пользу греко-уніатской церкви. Въ настоящее время своимъ авторитетомъ и вліяніемъ Бобровскій поддерживалъ Сосновскаго въ его борьбѣ съ базиліанскимъ орденомъ. По обязанности членовъ Брестскаго капитула оба—Сосновскій и Бобровскій, считали необходимымъ разрушить зловредное для уніи базиліанское гнѣздо—св.-Троицкій монастырь, разносившее по всей уніи ядовитыя сѣмена.

Новосильцову тотчасъ дано знать, что базиліанскій орденъ „имѣетъ новые поводы тревожиться о своемъ жребіи, по поводу сильныхъ старательствъ бѣлаго духовенства объ отнятіи въ *свою пользу* базиліанскихъ монастырей“—и 6 мая 1826 года попечитель посылаетъ частное письмо къ Александру Семеновичу Шишкову, въ которомъ напоминая о своемъ оффиціальномъ представленіи (20 апрѣля), выражаетъ упованіе что „ваше высокопревосходительство по врожденнымъ вамъ чувствамъ справедливости удостоите высокаго покровительства вашего трудолюбивый сей орденъ и оградите на будущее время существованіе его сословія, поистинѣ нужное (sic) для общества, отъ притязаній, болѣе основанныхъ на общемъ благѣ“.

Шишковъ, какъ намъ извѣстно, имѣлъ вѣрное представленіе о пагубномъ вліяніи на народное воспитаніе и просвѣщеніе въ западныхъ *русскихъ* (а не польскихъ, какими считалъ ихъ Новосильцевъ) губерніяхъ римско-католическихъ духовныхъ сословій, отъ которыхъ такъ мало отличался базиліанскій орденъ. Назначенный по высочайшему повелѣнію 14 мая 1826 года *комитетъ устройства учебныхъ заведеній* долженъ былъ заняться приведеніемъ къ *единообразію* весьма разнообразныхъ учебныхъ заведеній,

*) См. № 1-2-й.

въ числѣ которыхъ публичныя школы западныхъ губерній находились въ вѣдѣніи монашескихъ орденовъ, при фиктивномъ подчиненіи ихъ правительственному контролю. Занятія названнаго комитета шли съ такимъ успѣхомъ въ теченіе 1826 года, что въ началѣ 1827 года могли прекратиться еженедѣльныя собранія и правителю дѣлъ комитета кн. П. А. Ширинскому—Шихматову было поручено заняться составленіемъ проекта устава. Въ маѣ 1827 г. проектъ уже былъ составленъ, а въ ноябрѣ начались чтенія проекта въ засѣданіяхъ комитета. Эти обстоятельства непосредственно отразились на распоряженіяхъ главнаго управленія духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій относительно устройства семинарій. Въ самомъ началѣ 1827 года министръ нар. пр. и дух. дѣлъ иностр. исп. предложилъ 2-му департаменту коллегіи немедленно заняться пересмотромъ устава Полоцкой семинаріи, соборнаго штата и т. п.

Одновременно съ работами въ министерствѣ нар. просв. по разсмотрѣнію проекта устава для учебныхъ заведеній, въ которыхъ главную долю участія (съ половины 1827 года) принимали товарищъ министра нар. просв. Д. Н. Блудовъ и бывшій попечитель петербургскаго учебнаго округа ст. сов. Уваровъ, въ главномъ управленіи дух. дѣлъ иностр. исповѣданій приходили къ окончанію работы объ упраздненіи базиліанскихъ монастырей и устройствѣ семинарій.

Послѣ смерти императора Александра I, въ числѣ бумагъ, бывшихъ въ кабинетѣ его величества и сданныхъ имъ при отъѣздѣ въ Таганрогъ князю А. Н. Голицыну, найдена записка бывшаго прокурора р.-католической коллегіи *Овцына* „о римско-католическомъ и уніатскомъ монашествѣ и бѣломъ духовенствѣ“, которая въ 1806 году не получила хода. Тогда же митрополитъ Сестренцевичъ выразилъ намѣреніе отнять у *всѣхъ* монашескихъ орденовъ право на безконтрольное распоряженіе фундушами и капиталами и отмѣнить постановленія 1801 г. Записка Овцына въ началѣ 1826 года изъ кабинета по повелѣнію Государя поступила къ Шишкову. Въ ней Овцынъ доказываетъ, что управленіе имѣній католическимъ и унитскимъ духовенствомъ, составляя преимущественный предметъ занятій духовенства обоихъ обрядовъ, *было и есть непосредственною причиною многихъ тяжебъ*, что подтверждается примѣрами многочисленныхъ процессовъ, производившихся въ р.-к. коллегіи.—Многіе настоятели монастырей и монашествующіе въ оныхъ *предавались праздной* и *невоздержной* жизни, вовсе оставили исполненіе фундушевыхъ обязанностей, презрѣли уставы и предписанія сана своего, а имѣнія довели до совершеннаго разоренія. Въ отчетахъ встрѣчаются вездѣ упущенія и недостатки. Показываемыя суммы не сходятся съ прежними вѣдомостями. О процентахъ упоминается, что они нѣсколько и болѣе лѣтъ не получаются, безъ объясненія причинъ. Таже неопредѣленность обнаруживается и въ показываніи суммъ пропавшихъ.—Собравъ свѣдѣнія о положеніи дѣла римско-католическаго и уніатскаго духовенства, Овцынъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ, имѣющимъ прямое отношеніе къ дѣлу, производившемуся съ 1822 г. во 2-мъ департаментѣ коллегіи: (мы не касаемся того, что сказано въ началѣ о р.-к. духовенствѣ) духовенство уніатскаго исповѣданія—монашествующіе во всемъ сходствуютъ съ католическими (т. е. занимающіеся имѣніями ведутъ жизнь внѣ монастырей въ селеніяхъ и совершенно удаляются отъ правилъ благочестія и жизни иноческой). А бѣлые, будучи женаты, живутъ въ приходахъ, управляютъ имѣніями и также весьма часто непозволеннымъ обращеніемъ съ крестьянами навлекаютъ справедливое на себя сѣтованіе“ [29]). 1) Женскіе монастыри управляютъ имѣніями черезъ прокураторовъ на тѣхъ же основаніяхъ какъ и мужескіе. 2) Имѣній недвижимыхъ состоитъ во владѣніи монаховъ и монахинь—73741 душа, у бѣлаго духовенства 68249; капиталовъ: у монашествующихъ 2,906,231 руб., у бѣлаго духовенства—129580 рублей серебряною монетою, и эти сокровища довольствуютъ 3402 монаха, 661 монахиню и 4028 бѣлаго духовенства [30]). Поэтому Овцынъ совѣтуетъ: 1) всѣ имѣнія, состоящія во владѣніи духовенства взять въ казенное управленіе, 2) на содержаніе лицъ духовнаго состоянія составить приличные штаты, установивъ число епархій и въ нихъ учрежденій, а равно монастырей соразмѣрно количеству народонаселенія. „Симъ образомъ ограничится произвольный наборъ монашества, до того умножившійся, что число онаго не смотря на малое пространство областей, въ коихъ живутъ (sic) несравненно превосходитъ число всѣхъ монашествующихъ греко-россійской церкви“. Далѣе Овцынъ, касается семинарій, о которыхъ должно сдѣлать непремѣнныя постановленія, опредѣливъ—какія въ нихъ преподавать науки и опредѣливъ на содержаніе ихъ жалованье, какъ все учреждено въ Россійской имперіи.—Семинаріи онъ совѣтуетъ подчинить министру народнаго просвѣщенія. Наконецъ всѣ духовные капиталы должны составить одну общую массу, изъ которой проценты должны идти на удовлетвореніе нуждъ монастырю, семинаріи, бѣлаго духовенства и на основаніе богоугодныхъ заведеній [31]).

Мысли Овцына—не новы; подобныя реформы произведены были въ минувшемъ столѣтіи въ нѣкоторыхъ католическихъ и протестантскихъ государствахъ Европы. Его предложенія почти совершенно сходятся съ проектомъ митрополита Сестренцевича, противъ исполненія котораго возстали іезуиты; послѣдніе нашли поддержку у князя Голицына, который тогда (въ 1806 году) былъ оберъ-прокуроромъ св. синода. Тогда-то и придуманы были способы къ закрѣпленію за монахами имѣній и капиталовъ, возложивъ на нѣкоторые монашескіе ордена *воспитаніе свѣтскаго юношества* въ западной Россіи. Послѣдствія тяжкаго наслѣдія, доставшагося отъ Польши, извѣстны.—Записка Овцына, оставленная Голицынымъ безъ вниманія, получила чрезвычайно важное значеніе теперь, когда правительствомъ задумана была общая реформа всей учебной системы въ Россіи. Она напоминала правительству о тѣхъ богатыхъ источникахъ, какими въ ущербъ прямой государственной пользы владѣли многочисленные р.-католическіе ордена. И *комитетъ устройства учебныхъ заведеній*, одушевляемый Сперанскимъ, долженъ былъ остановить свое

[29]) Жестокое обращеніе съ крестьянами помѣщиковъ и другихъ владѣльцевъ вызвало извѣстныя ограниченія въ указѣ 1818 года. Нужно имѣть въ виду, что во владѣніи духовенства состояло въ то время населенной земли до 141900 душъ крестьянъ, и въ томъ числѣ во владѣніи уніатскаго духовенства до 14000 душъ—изъ коихъ 11435 д. м. п. приходилось на долю 700 базиліанъ и не свыше 2500 д. на долю 1985 священниковъ съ причтами.—Это обстоятельство смягчаетъ обвиненіе Овцына. Случаи жестокаго обращенія священниковъ съ своими крестьянами въ дѣлахъ Синода болѣе всего встрѣчаемъ въ Полоцкой епархіи.

[30]) Овцынъ въ своихъ разсчетахъ не выдѣляетъ греко-уніатскаго духовенства отъ латинскаго. По нашимъ свѣдѣніямъ во владѣніи 700 базиліанскихъ монаховъ состояло капиталовъ до 770000 руб. сер., во владѣнія бѣлаго духовенства бенефицій до 902000 р. с.

[31]) „Іезуиты въ Россіи“ Морошкинъ, II, стр. 242—246—Овцынъ, однако, исключаетъ изъ своего проекта іезуитскій орденъ.

вниманіе на фундушахъ и капиталахъ западныхъ губерній, какъ на главныхъ источникахъ для приведенія *общихъ реформъ* въ исполненіе.

Въ силу такихъ обстоятельствъ главное управленіе дух. дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, нуждаясь еще въ нѣкоторыхъ данныхъ для устройства епархіальныхъ семинарій и духовныхъ училищъ, посредствомъ закрытія базиліанскихъ монастырей потребовало изъ коллегіи нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія.[30]).

Карташевскій потребовалъ представленія изъ 2-го департамента *извлеченій изъ вѣдомостей о монастыряхъ базиліанскаго ордена,* составленіемъ которыхъ по указу 31 октября 1822 года занимались засѣдатели *Василій Маркевичъ*—по Литовской провинціи, *Антоній Зубко*—по Бѣлорусской провинціи и *Іосифъ Сѣмашко*—по русской провинціи. Извлеченія представленныя ими во 2-й департаментъ коллегіи къ 20 октября 1826 года, дали слѣдующіе выводы:

Провинціи.	Монастырей.	Монаховъ.	Крестьянъ муж. п.	Капиталовъ	Въ томъ числѣ сомнительныхъ:
Литовская:	42	312	4710	316496 р. 53½ к.	20270 р. сер.
Бѣлдрусская:	18	118	2661	88072 р. 13 к.	13083 р. 49 к.
Русская:	23	258	4064	452584 р. 75 к.	53011 р. 25 с.
Итого . .	83	688	11435	857153 р. 41½ к.	87084 р. 74 к.

При этомъ нужно имѣть въ виду, что Литовская провинція распространялась на двѣ епархіи—Брестскую и Виленскую, въ которой состояло болѣе 840 церквей и до 900,000 прихожанъ, между тѣмъ какъ Русская на одну Луцкую епархію, а въ ней было только до 190 церквей и не болѣе 120000 греко-уніатскихъ прихожанъ. Въ этихъ трехъ епархіяхъ вмѣстѣ взятыхъ на 1030 церквей обучалось въ *епархіальныхъ семинаріяхъ* не болѣе 20—30 клириковъ, между тѣмъ какъ въ одной Полоцкой епархіи на 436 церквей съ 514000 прихожанъ состояло до 70 клириковъ и учениковъ. То есть, во всей грекоуніатской церкви: на 1466 церквей имѣлась только одна благоустроенная по тому времени Полоцкая семинарія, двѣ другія—Лаврышовская и Сверженская были въ полномъ упадкѣ, а о семинаріяхъ Луцкой только старики помнили, что таковыя когда то существовали въ Житомірѣ, Владимірѣ и Луцкѣ...

Нельзя при этомъ не вспомнить опубликованной въ концѣ 1824 года Брестскимъ капитуломъ въ „Dziejach Dobroczynnosci“ статистической таблицы о фундушевыхъ земляхъ, капиталахъ, доходахъ монашествующаго и бѣлаго греко-уніатскаго духовенства въ Брестской епархіи, изъ которой оказывается, что на 25 монастырей причиталось: 166 монаховъ: и у нихъ во владѣніи было 42880 дес. земли съ 3825 крестьянами муж. пола, а на 539 церквей съ 719 священниками (и еще 1785 церковно-служителей) 30280 дес. земли, съ 451 ревиз. душъ.—*Суммъ фундушевыхъ* у монаховъ 249016 р. 37½ к., у священниковъ 23341 р. 47 к. сер., *доходовъ*—у монаховъ 62875 р. 43 к. сер., у священниковъ—6556 р. 50 к. Выходитъ на каждаго монаха: 259 дес. земли, 137 крестьянъ, 1500 руб. капит. 380 р. дохода; на каждаго священника—42 дес. земли, 32½ р. капитала, менѣе одной души крестьянина и только 9 р. с. дохода.

Въ свое время эти свѣдѣнія произвели сильный переполохъ между базиліанами Литовской провинціи и раздражали Булгака и Каминскаго. Теперь въ 1826 году, наканунѣ разрѣшенія общаго вопроса о базиліанскихъ монастыряхъ, можно было только пожалѣть, что во 2-мъ департаментѣ не оказалось такихъ подробныхъ и обстоятельныхъ данныхъ о прочихъ епархіяхъ. Много должно пройти времени на собираніе дополнительныхъ свѣдѣній по епархіямъ—о числѣ церквей, прихожанъ и проч.

Въ томъ же октябрѣ мѣсяцѣ 1826 года во 2-й департаментъ коллегіи поступило представленіе Виленской митрополичьей консисторіи о *церквахъ обращенныхъ въ базиліанскіе монастыри изъ бѣлаго духовенства* съ приложеніемъ 17 документовъ и планомъ 15 древнихъ унитскихъ церквей, существовавшихъ въ Вильнѣ во второй половинѣ XVII ст. [32]).

Слогъ и духъ изложенія показываютъ, что этотъ обширный докладъ (на 87 страницахъ) писанъ самимъ офиціаломъ Сосновскимъ. Докладъ начинается доказательствомъ о принадлежности Виленскаго св.-Троицкаго монастыря и его фундушей бѣлому духовенству со ссылками на постановленія соборовъ и папскихъ буллъ.—Далѣе передаются любопытныя свѣдѣнія о Виленскомъ братствѣ, объ обязательномъ содержаніи при церкви: людей ученыхъ въ св. писаніи, пѣвчихъ, церковныхъ служителей и т. п.—Непосредственными виновниками паденія многихъ церквей въ Вильнѣ были базиліане.—Поэтому церковь св.-Троицкую должно обратить въ каѳедральный соборъ, а монастырь занять подъ помѣщеніе для семинаріи, каѳедральнаго клира и епархіальнаго епископа; далѣе—взыскать съ базиліанъ за Пятницкую церковь, обращенную ими въ частный домъ, всѣ вырученные ими съ этого дома доходы и обязать ихъ возстановить эту церковь.—Прочіе монастыри Виленской епархіи, которые оказываются обращенными изъ приходскихъ церквей, должно возвратить бѣлому духовенству съ фундушами, а также и съ доходами, вырученными базиліанами за все время неправильнаго владѣнія оными.—Въ Сверженской семинаріи базиліане никогда не содержали числа клириковъ опредѣленнаго въ завѣщаніи основателя ея Радивилла (1743 г.). Вмѣсто 12 клириковъ, въ ней обучалось не болѣе 4, чаще 2; но случалось, что не обучалось ни одного клирика,—и это на 300 церквей.

„Словенскій діалектъ оказывается почти чуждымъ для нашихъ священниковъ, а въ церковныхъ обрядахъ (которые должны быть греческими) введено большое разнообразіе, причемъ церковный уставъ почти уничтоженъ“. Воспитаніе юношества до сихъ поръ зависѣло отъ базиліанъ, но впредь оо. базиліане не должны имѣть вліянія на епархіальную семинарію. И такъ какъ въ орденъ базиліанскій *поступаютъ лица латинскаго обряда,* по этому они не могутъ чистосердечно заниматься *словенскимъ языкомъ и пѣніемъ свойственнымъ греческой церкви*“ [33]).

Это послѣднее представленіе Сосновскаго вмѣстѣ съ другими фактами въ послѣдніе годы собранными въ департаментѣ главномъ управленіи духовныхъ дѣлъ, при извѣстныхъ уже намъ стремленіяхъ министра Шишкова, имѣло громадныя послѣдствія и, какъ сейчасъ увидимъ, повліяло *непосредственно на рѣшеніе участи базиліанскаго ордена.*

(*Продолженіе впредь*)

[32]) Рапортъ 21 октября 1826 г. подписали: предсѣдатель А. Сосновскій, суррогатъ К. Заболоцкій, ассесоры: Фл. Томашевскій и секретарь К. Заборовскій.

[33]) Оказывается, что постановленіе 2-го департамента, состоявшееся въ 1810 году, о не пріемѣ въ базиліанскій орденъ лицъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, примѣнялось въ одной только Полоцкой епархіи, но не смотря на его возобновленіе указомъ коллегіи въ 1822 году, въ Литовской и Русской базиліанскихъ провинціяхъ продолжали поступать въ монахи лица р.-католическаго вѣроисповѣданія.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.

Дозволено цензурою.
Цензоръ Протоіерей *Петръ Левицкій.*

Вильна. Губернская Типографія.
Ивановская у. № д. 11